

СОМЕРСЕТ МОЭМ

ИГРУШКИ СУДЬБЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
М87

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Мозм, Сомерсет.

М87 Игрушки судьбы : [сборник рассказов : перевод с английского] / Сомерсет Мозм. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-168302-3

В сборнике «Игрушки судьбы» остроумные истории сменяются пронзительными драмами, география рассказов простирается от экзотических колоний до чопорных английских гостиных, а галерея ярких персонажей охватывает как представителей высшего общества, так и людей с окраин. Но главным героем этих историй остается капризная фортуна, которая безвозвратно может изменить судьбу человека, превратив его в послушную игрушку в своих руках...

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-168302-3

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Автор просит прощения

Должен принести извинения читателю за публикацию этого тома. В начале войны я выпустил сборник рассказов под названием «По тому же рецепту» и написал к нему короткое предисловие. Я тогда занимался работой, которая требовала всего моего времени, поэтому попросил своего друга Эдварда Марша выправить корректуру. В своем письме он выразил сожаление, что я, как он узнал из моего предисловия, решил больше не писать рассказов. Я не понял, что он имел в виду, но был слишком занят, чтобы выяснять. Ни рецензий, ни самой книги я не видел до возвращения в Англию несколько месяцев спустя. И вот тут я все понял. У меня было: «Я более не намерен писать много рассказов», но по оплошности то ли машинистки, то ли наборщика, видимо решивших, что я и так уже сочинил достаточно, слово «много» выпало из текста, и осталось: «Я более не намерен писать рассказы». Я взглянул на привезенную рукопись — в самом деле, я написал *много*.

Оставалось несколько рассказов, которым не нашлось места в «По тому же рецепту», и еще несколько зрело у меня в голове, так что уже тогда я планировал

© Перевод. И. Доронина

в свое время опубликовать следующий том. Поэтому пусть читатели не думают, будто я сознательно ввел их в заблуждение. Даже сейчас я не могу обещать, что ничего больше не напишу, ни один писатель не может быть уверен, что в один прекрасный день его не осенит новая идея, которая захватит воображение и в конце концов усадит его за письменный стол.

Некоторые из этих рассказов написаны давным-давно, но я не стал ничего в них менять, так как не считал, что, осовременив, сделаю их читабельнее, а равно не счел необходимым в рассказе «Зимний круиз» менять национальность нескольких персонажей только затем, чтобы не вызвать нареканий со стороны тех, кто убежден, будто все граждане страны, с которой мы воюем, одинаково заслуживают ненависти; один рассказ написан во время войны, остальные — после ее завершения. Все опубликованы в журналах.

Понимаю, что, признавая это, обрекаю себя на неодобрительные отзывы критиков, полагающих, будто публикация рассказов в журнале свидетельствует об их дурном качестве. Однако подобные умозаключения критиков говорят об их недостаточной проницательности. А также о плохом знании истории литературы. Ведь с той поры, как журналы стали популярным видом печатных изданий, писатели видят в них полезное средство представить свои произведения читателю. Все величайшие писатели-рассказчики печатались в журналах — Бальзак, Флобер и Мопассан; Чехов, Генри Джеймс, Редьярд Киплинг. Будет весьма опрометчиво предполагать, что в журналах печатались только рассказы, не принятые книжными издательствами. Так что хулить рассказ только потому, что он напечатан в журнале, абсурдно. Без

сомнения, в журналах печатается множество плохих рассказов, но ведь и пишется плохих рассказов гораздо больше, чем хороших, и редактор, даже в журнале с приличной литературной репутацией, зачастую вынужден публиковать рассказы, о которых он не самого высокого мнения, — просто за отсутствием других предложений. Редакторы некоторых популярных журналов вообще полагают, что запросы их читателей ограничиваются рассказами определенного типа, и не печатают никаких других; они умудряются находить авторов, готовых выдавать именно то, что им нужно, и нередко весьма неплохо на этом зарабатывают. Подобное конвейерное производство и подорвало престиж журнальных рассказов. Но, в конце концов, никто не обязан их читать. Хотя есть немало людей, кому они доставляют удовольствие, поскольку позволяют хоть ненадолго погрузиться в мир романтики и приключений, которых им так недостает в их однообразной повседневной жизни.

Однако я не могу согласиться с авторами часто публикуемых рецензий на сборники рассказов, когда они отвергают «журнальный» рассказ потому лишь, что он хорошо выстроен, имеет драматическое развитие и неожиданную развязку. В неожиданной развязке нет ничего предосудительного, коль скоро она органична для сюжета. Напротив, это превосходно. Худо только, когда, как в иных рассказах О'Генри, такая развязка притянута за уши, чтобы ошарашить читателя. Равным образом рассказ ничуть не проигрывает оттого, что сюжет его искусно выстроен, имеет начало, середину и конец. Все хорошие писатели-рассказчики стремились к этому. Лишь теперь, под влиянием неверно понятого Чехова, среди писателей вошло в моду

сочинять рассказы, которые начинаются известно где и заканчиваются неопределенностью. Их авторы считают, что достаточно всего лишь описать настроение, или передать впечатление, или очертить характер. Все это замечательно, но еще не рассказ, и не думаю, чтобы такое сочинение удовлетворяло читателя. Читатель не любит, когда ему предоставляют догадываться самому. Он желает получить ответы на свои вопросы. Боятся нынче и событийности. В результате нас захлестнула лавина скучных однообразных историй, где ничего не происходит. Думаю, отчасти и за это несет ответственность Чехов, как-то в одном из писем он высказался так: «Люди не ездят на Северный полюс и не падают там с айсбергов. Они ездят на службу, бранятся с женами и едят щи». Однако ж люди ездят на Северный полюс и, если даже и не падают там с айсбергов, все равно подвергаются многим опасностям, и у писателя нет причины не писать о них такие же хорошие рассказы, как о людях, поедающих щи. Но, разумеется, описания того, что они ездят на службу, бранятся с женами и едят щи, недостаточно. И Чехов отнюдь не это имел в виду. Чтобы получился рассказ, такие люди должны украсть небольшие казенные деньги, убить жену или уйти от нее, да и щи они должны есть с определенным чувством и значением. Щи становятся символом либо довольства семейной жизнью, либо мучительного в ней разочарования. И поедание их может быть не менее катастрофичным, чем падение с айсберга. И столь же необычным. Чехов просто верил в то, во что по своей человеческой сущности склонны верить писатели: что лучше всего умеешь, то лучше всего и делать.

Некоторое время назад я прочел статью о том, как писать рассказы. Кое-какие советы автора казались

полезными, но главный тезис, с моей точки зрения, был ошибочен. Автор утверждала, что «фокальной точкой» рассказа должно быть построение характера, а все события сочиняются, только чтобы «оживить» персонаж. Как ни странно, ранее в той же статье она отмечает, что лучшими из когда-либо написанных рассказов являются притчи. По-моему, трудновато описать характеры блудного сына и его брата, или доброго самаритянина, или «человека, павшего среди воров»¹. Это сугубо вымышленные персонажи, нам остается лишь догадываться, какими людьми они были, ведь мы знаем только факты их жизни, необходимые для выведения морали. Ненамного больше возможностей и у автора рассказов. Объем текста не позволяет подробно описывать характеры в их развитии, рассказчик может лишь набросать наиболее типичные черты, которые оживят персонаж и сделают историю правдоподобной. Испокон веков люди собирались вокруг костра или на базарной площади и слушали рассказчиков. Желание слушать истории, похоже, укоренено в человеческом сознании не менее глубоко, чем чувство собственности. Я — рассказчик и на большее никогда не претендовал. Мне нравилось рассказывать истории, и я рассказал их великое множество. К несчастью для меня, рассказывание историй ради самих историй не из тех занятий, что пользуются признанием у интеллигенции. Однако я стараюсь стойко переносить это несчастье.

¹ Первая строка стихотворения Эдварда Эстлина Каммингса (1894—1962) — американского писателя, художника, поэта и драматурга, — в котором интерпретируется притча о добром самаритянине (Лк. 10:30—35).

Жена полковника

Все это произошло за два или три года до того, как разразилась Вторая мировая война.

Чета Пилигрим завтракала. Хотя были они одни, а стол был длинный, они сидели на противоположных концах. Со стен на них взирали предки Джорджа Пилигрима, писанные модными художниками тех времен. Дворецкий принес утреннюю почту. Несколько деловых писем, адресованных полковнику, газету «Таймс» и бандероль для его жены Эйви. Полковник глянул на письма, потом раскрыл газету и углубился в нее. Позавтракав, супруги встали из-за стола. Полковник заметил, что жена не вскрыла бандероли.

— Что там? — спросил он.

— Всего лишь несколько книжек.

— Вскрыть ее?

— Как хочешь.

Джордж Пилигрим терпеть не мог разрезать веревки и не без труда развязал узлы.

— Но они все одинаковые, — сказал он, развернув упаковочную бумагу. — Чего ради тебе понадобились шесть экземпляров одной и той же книги? — Он раскрыл одну из них. — Стихи... — Посмотрел на титул. —

«Когда пирамиды рушатся», — прочел он. — Э.К. Гамильтон. — Эва Кэтрин Гамильтон — да это ж девичья фамилия его жены... Полковник посмотрел на нее с удивленной улыбкой. — Ты написала книгу, Эйви? Вот хитрюга.

— Я думала, тебе это вряд ли интересно. Дать тебе экземпляр?

— Ну, сказать по правде, поэзия не очень в моем духе, а впрочем... пожалуй, дай, я прочту. Возьму с собой в кабинет. Нынче утром у меня миллион дел.

Он взял письма, газету, книгу и вышел. Кабинет у него был просторный, уютный — большой письменный стол, кожаные кресла, на стенах «трофеи охоты», как он их называл. На книжных полках — справочники, книги по сельскому хозяйству, садоводству, рыбной ловле и охоте с ружьем, а также о последней войне: полковник был награжден тогда орденом «Военный крест» и стал кавалером ордена «За безупречную службу». До женитьбы он служил в Уэльском гвардейском полку. А в конце войны ушел в отставку, поселился миль за двадцать от Шеффилда, в великолепном доме, что построил один из его предков в царствование Георга III, и зажил помещиком. У Джорджа Пилигрима было поместье — тысячи полторы акров, он умело им управлял, был к тому же мировым судьей и добросовестно исполнял свои обязанности. В охотничий сезон он дважды в неделю охотился верхом, с собаками, отлично стрелял, играл в гольф и, хотя ему пошел шестой десяток, выдерживал напряженную партию в теннис. С полным правом он мог называть себя разносторонним спортсменом.

В последнее время он стал полнеть, но все еще отлично выглядел — высокий, голубоглазый, откры-

тый взгляд, седые выющиеся волосы, едва начинающие редеть на макушке, правильные черты лица и здоровый румянец. Натура общественная, он был председателем всяких местных организаций и, как человек своего сословия и положения, — верным членом консервативной партии. Он полагал своим долгом печься о благосостоянии тех, кто жил в его владениях, и со спокойной совестью доверял Эйви опекать немощных и оказывать помощь беднякам. На окраине селения он построил небольшую амбулаторию и из собственного кармана платил жалованье медсестре. От тех, кто пользовался его щедротами, он ждал только одного — чтобы на местных и всеобщих выборах они голосовали за его кандидата. Человек он был дружелюбный, приветливо держался с нижестоящими, внимательно относился к нуждам своих арендаторов и пользовался уважением мелкопоместных дворян-соседей. Он был бы рад, но и несколько смущен, скажи ему кто-нибудь, что он отличный малый. Таким он и хотел быть. И большей похвалы не желал.

Ему сильно не повезло, что у него не было детей. В нем пропал превосходный отец, добрый, но строгий, который воспитал бы сыновей как подобает джентльмену — отправил их, знаете ли, в Итон, научил ловить рыбу, стрелять, ездить верхом. А случилось так, что его наследником стал племянник, сын брата, погибшего в автокатастрофе, неплохой парнишка, но иной породы, да, сэр, совсем иной; и, поверите ли, дуреха мать посылает его в школу совместного обучения.

Эйви оказалась для него горьким разочарованием. Она, разумеется, истинная леди, и у нее есть

кое-какие деньги; она необыкновенно хорошо ведет дом и на редкость гостеприимная хозяйка. Сельские жители ее обожают. Когда он женился на Эйви, она была прехорошеньким созданием с нежным цветом лица, светло-каштановыми волосами и складной фигуркой, здоровья отменного и неплохо играла в теннис; ну как тут понять, отчего у нее не было детей. Сейчас ей шел сорок пятый год, и она, разумеется, поблекла — и цвет лица уже не тот, и волосы утратили блеск, и худая стала, как щепка. Она всегда опрятна, одета подобающим образом, но, похоже, ей все равно, как она выглядит, — косметику она не употребляет, даже губы не красит. Но если иной раз, собираясь вечером в гости, принарядится, видно, что некогда была весьма привлекательна. А вот в повседневной жизни она... как бы это сказать... из тех женщин, которых просто не замечаешь. Славная, конечно, и жена хорошая, и не виновата, что бесплодна, а только если человек хотел иметь наследника — плоть от плоти своей, — ему крупно не повезло; жизненной энергии ей не хватало, вот в чем беда. Когда он сделал ей предложение, он, вероятно, был влюблен, во всяком случае, достаточно влюблен для мужчины, который хочет жениться и зажить семейной жизнью, но со временем он увидел, что у них совсем мало общего. Охота ее не интересует, рыбная ловля наводит на нее тоску. И они, конечно же, отдалились друг от друга. Надо отдать ей должное, она никогда не докучает ему. Не устраивает сцен. Они не вздорят. Кажется, она считает само собой разумеющимся, что он живет на свой лад. Бывает, он отправляется в Лондон, но она никогда не выражает желания его сопровождать. У него там девушка, не такая уже молодень-

кая, лет, наверное, тридцать пять, никак не меньше, но — блондинка, соблазнительная блондинка, к тому же стоит загодя ей протелеграфировать, и они могут отправиться поужинать, и побывать на каком-нибудь представлении, и провести вместе ночь. Да, мужчине, здоровому, нормальному мужчине непременно надо поразвлечься. Не будь Эйви так добродетельна, жена из нее получилась бы получше, промелькнуло у него в голове. Но негоже ему так думать, и он отогнал от себя эту мысль.

Джордж Пилигрим закончил с газетой и, как внимательный муж, позвонил, вызвал дворецкого и велел отнести газету Эйви. Потом посмотрел на часы. Половина одиннадцатого, а в одиннадцать встреча с одним из арендаторов. У него свободных полчаса.

«Прогляжу-ка я книжку Эйви», — сказал он про себя.

С улыбкой он взял книгу в руки. У Эйви в гостинной множество заумных книг, совсем не те это книги, которые интересны ему, но раз они ее развлекают, что ж, пусть читает. В книжке, которую он держит в руках, пожалуй, страничек девяносто, не больше. Тем лучше. Он разделял мнение Эдгара По, что стихи должны быть короткие. Но, листая страницы, он заметил, что в иных Эйвиных стихах строчки длинные, неодинаковой длины и не рифмуются. Нет, это ему не по вкусу. Помнится, в первой его школе, когда он был совсем мальчишкой, учили стихотворение, и начиналось оно так: «На горящей палубе мальчик стоял». Позднее, в Итоне, еще одно — «Дождь не шадит тебя, безжалостный король», а потом дошло и до «Генриха V» — следовало выучить половину. Он в недоумении уставился на страницы книжки Эйви.

— Нет, поэзией это не назовешь, — произнес он.

По счастью, так было написано не все. Иные страницы выглядели престранно: строки по два, три, четыре слова соседствовали со строками из десяти — пятнадцати слов, но, слава богу, они перемежались небольшими стихотворениями, где рифмовались строки равной длины. На некоторых страницах был заголовок «Сонет», и полковник из любопытства посчитал число строк — оказалось, четырнадцать. Он их прочел. Похоже, строки как строки, вот только не очень понятно, о чем идет речь. Он мысленно повторил: «Дождь не щадит тебя, безжалостный король».

— Бедняжка Эйви, — вздохнул он.

В эту минуту в кабинет пропустили фермера, которого он ожидал, и, отложив книгу, полковник пригласил его садиться. Не теряя времени, они заговорили о деле.

— Я читал твою книжку, Эйви, — сказал полковник, когда супруги сели обедать. — Очень хороша. Тебе пришлось раскошелиться, чтоб напечатали?

— Нет, мне повезло. Я послала книжку издателю, и он ее принял.

— На поэзии много не заработаешь, моя дорогая, — сказал полковник со свойственным ему добродушием и сердечностью.

— Да, вероятно. Что сегодня понадобилось от тебя Бэнноку?

Бэннок был тот арендатор, который помешал полковнику читать стихи Эйви.

— Попросил ссудить его деньгами, хочет купить породистого бычка. Он славный малый, и скорее всего я дам ему денег.

Джордж Пилигрим видел, что Эйви не желает говорить о своей книжке, и без сожаления переменял тему. Как хорошо, что на титуле она поставила свою девичью фамилию. Конечно, вряд ли ее книжка попадется кому-то на глаза, но уж очень он гордился собственной необычной фамилией, и ему бы совсем не понравилось, если б какой-то ничтожный писака высмеял поэтические опыты Эйви в одной из газет.

Прошло несколько недель, а он так и не задал ей ни единого вопроса о ее рискованной затее со стихами: ему казалось, это было бы бестактно, сама же она ни разу о них не заговорила. Словно то был эпизод довольно сомнительного свойства, о котором оба молча согласились не упоминать. Но потом произошла странная история. Он поехал в Лондон по делу и пригласил Дафну поужинать с ним. Дафной звали его любовницу, с которой он обычно приятно проводил несколько часов всякий раз, как бывал в городе.

— Послушай, Джордж, эту самую книгу, о которой все говорят, написала твоя жена?

— Что это тебе взбрело в голову, скажи на милость?

— Понимаешь, у меня есть один знакомый, он критик. На днях он пригласил меня поужинать, и у него была с собой книжка. «Можешь дать мне что-нибудь почитать? — спросила я. — Это у тебя что?» — «Боюсь, тебе будет не по вкусу, — сказал он. — Это стихи. Я как раз пишу о них». — «Нет, стихи мне ни к чему», — сказала я. «Такой жгучей книжки я, пожалуй, в жизни не читал, — сказал он. — Раскупают, точно горячие пирожки. На редкость хороша».

— Кто автор? — спросил Джордж.

— Какая-то женщина по фамилии Гамильтон. Мой приятель сказал, это не настоящая ее фамилия. А настоящая — Пилигрим. «Это ж надо, — говорю. — Я знаю одного Пилигрима». — «Он полковник, — говорит. — Живет поблизости от Шеффилда».

— Лучше б ты не болтала обо мне со своими приятелями, — досадливо нахмурился Джордж.

— Не лезь в бутылку, мой милый. За кого ты меня принимаешь? Я ему сразу сказала: нет, это не он. — Дафна захихикала. — А мой приятель говорит: «Я слышал, он тупица, каких свет не видал».

Юмора Джорджу было не занимать.

— Могла бы ответить и получше, — со смехом сказал он. — Напиши моя жена книгу, наверное, я бы узнал об этом первый, как по-твоему?

— Да уж наверно.

Так или иначе, все это было ей совсем не интересно, и, когда полковник заговорил о другом, она про это забыла. Он тоже выкинул из головы. Пустое, решил он, и дуралей критик просто подшутил над Дафной. Забавно было бы, если б она вцепилась в книжку — ведь ей было сказано: книжка жгучая — и увидела, что там только нелепая болтовня, разбитая на строки разной длины.

Полковник был членом нескольких клубов и на другой день решил пообедать в одном из них на Сент-Джеймс-стрит. В Шеффилд он намерен был возвратиться дневным поездом. До того как пройти в ресторан, он расположился в удобном кресле и потягивал херес. Тут к нему подошел его давний приятель.

— Как жизнь, старина? — спросил он. — Как тебе нравится быть мужем знаменитости?